

АЛЕКСАНДР
ГАРРОС
НЕПЕРЕВОДИМАЯ
ИГРА
СЛОВ
СЛОВ
ИГРА
СЛОВ

АЛЕКСАНДР
ГАРРОС
НЕПЕРЕВОДИМАЯ
ИГРА
СЛОВ
ИГРА
СЛОВ

АЛЕКСАНДР
ГАРРОС
НЕПЕРЕВОДИМАЯ
ИГРА
СЛОВ
ИГРА
СЛОВ

АЛЕКСАНДР ГАРРОС

НЕПЕРЕВОДИМАЯ
ИГРА СЛОВ

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

издательство

АСТ

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П76

Оформление переплёта и макет — АНДРЕЙ БОНДАРЕНКО

П76 Гаррос, Александр Петрович
Непереводимая игра слов / АЛЕКСАНДР ГАРРОС. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2016. — 543, [1] с. — (Уроки чтения).

ISBN 978-5-17-099015-3

Александр Гаррос — модный публицист, постоянный автор журналов “Сноб” и “GQ”, и при этом — серьёзный прозаик, в соавторстве с Алексеем Евдокимовым выпустивший громко прозвучавшие романы “Толоволомка”, “Фактор фуры”, “Чучхе”; лауреат премии “Нацбест”.

“Непереводимая игра слов” — это увлекательное путешествие: потаённая Россия в деревне на Керженце у Захара Прилепина — и Россия Михаила Шишкина, увиденная из Швейцарии; медленно текущее, словно вечность, время Алексея Германа — и взрывающееся событиями время Сергея Бодрова-старшего; Франция-как-дом Максима Кантора — и Франция как остановка в вечном странствии по миру Олега Радзинского; музыка Гидона Кремера и Теодора Курентзиса, волшебство клоуна Славы Полунина, осмысление успеха Александра Роднянского и Веры Полозковой...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-099015-3

© Александр Гаррос
© ООО “Издательство АСТ”

Содержание

ХРОНИКЕР ЭПОХИ

Дмитрий Быков об Александре Гарросе 9

ТАКАЯ, КАКАЯ

От автора 13

НАШ ПИДЖАК ЗАШИТ, А ТУЛУП ПРОКОЛОТ

МОЛОДОЙ ХОЗЯИН

Утопия Захара Прилепина: великая глушь 19

ВРЕМЯ ГЕРМАНА

*Утопия Алексея Германа: игра в Бога
на поражение* 42

БАТАЛИСТ

*Утопия Александра Роднянского: малой кровью,
на любой земле* 72

БЕЗ КОМАНДЫ

*Оставленные: Ярославль, полгода после гибели
“Локомотива”* 101

КОД ОБМАНА

*Без следа: почему гибель СССР — факт истории,
но не факт искусства* 122

ЧЕМ ГИТЛЕР ХУЖЕ СТАЛИНА?	
<i>Проклятие эффективности: как работает</i>	
<i>русская матрица</i>	142
ЧУЖАЯ ИГРА	
<i>Потому что мы — не банда: кем на Руси быть плохо</i>	162
КРАСНЫЙ КОКАИН	
<i>Пудель: модель для сборки (и разборки)</i>	168
В ОКРЕСТНОСТЯХ СМЕРТИ	
<i>Тест Летова: последний знак качества</i>	176

НАМ НЕ ПРАВИТСЯ ВРЕМЯ,
НО ЧАЩЕ — МЕСТО

ОСТРОВ КАНТОР	
<i>Утопия Максима Кантора: режущий край Европы</i>	185
СЧАСТЬЕ И СЛАВА	
<i>Утопия Славы Полунина: мельницы нирваны</i>	
<i>мелют медленно</i>	213
ФОРС-МАЖОР	
<i>Утопия Теодора Курентзиса: пермские боги перемен</i>	247
ВИДЫ НА ЖИТЕЛЬСТВО	
<i>Утопия Марии Амели: из войны в варяги</i>	278
КУЛЬТУРА ТЕЛА СЕГОДНЯ В УДАРЕ	
<i>Пустая рука: судьба карате в России</i>	306
НЕПЕРЕВОДИМАЯ ИГРА СЛОВ	
<i>Продать Родину: почему русские больше не пишут</i>	
<i>бестселлеров</i>	315
У МЕНЯ ЕСТЬ НОЖ	
<i>Пять лет спустя: глобальный урка</i>	339

ДЖЕТЛАГ	
<i>Часовой пояс верности: что прочнее железного занавеса</i>	347
БЛОЖНАЯ ПОВЕСТКА	
<i>Русский спор: бессмысленный, беспощадный, бесплодный</i>	362
РУССКИЕ СОВЫ	
<i>Хоррор как рутина: наш Твин Пикс — то, чем кажется</i>	370
ЧЕЛОВЕК ОТОВСЮДУ	
<i>Паспорт негражданина: декларация независимости</i>	377

**МЫ ПОЛЮБИМ ВСЕХ,
И В ОТВЕТ — ОНИ НАС**

РОМАН В НИЩЕ	
<i>Утопия Олега Радзинского: буки, веди, вуду</i>	385
БЕЗДОМНЫЙ ГИДОН	
<i>Утопия Гидона Кремера: перемещенное лицо музыки</i>	421
КАРТА БОДРОВА	
<i>Утопия Сергея Бодрова: глобальный советский</i>	449
МИР ДЕЛИТСЯ НА МАГГЛОВ И ВОЛШЕБНИКОВ	
<i>Утопия Веры Полозковой: зарифмуй это</i>	474
ПИСАТЕЛЬСКИЙ КУРС	
<i>Утопия Михаила Шишкина: другой посол Другой России</i>	489
В КОГТЯХ У СКАЗКИ	
<i>Маленькая вера: что у нас вместо религии и чем это кончится</i>	503

ИНДУСТРИЯ ОТВЛЕЧЕНИЙ

*Вранье столетия: честная бедность как
спецоперация богатых* 519

БРЕМЯ БЕЛОГО

Зима далеко: непокоренная Арктика 525

ФЕЯ И Я

Вместо послесловия 539

ХРОНИКЕР ЭПОХИ

Дмитрий Быков
об Александре Гарросе

...Про Гарроса и Евдокимова никто ничего не знал. Не было даже толком понятно, один это человек или двое, и многим вспоминался анекдот “Слава КПСС вообще не человек”. На обложках они так и писались без имен: Гаррос-Евдокимов. После сенсационного присуждения премии “Национальный бестселлер” роману “[голово]ломка” стало по крайней мере понятно, что их двое: один длинный и красивый, второй поменьше и очень brutальный.

Меня, впрочем, не обманывали тарантиновские приметы их прозы — страшное количество разбитых голов, мата и циничных сентенций. Я-то знал, что оба они — интеллигентные русские журналисты из Риги, большие ценители артхаусного кино и хорошего виски, очень деликатные люди, хотя говорили, что Гаррос владеет боевыми искусствами, а Евдокимов не только весь, абсолютно весь покрыт

татуировками, но и грубо водит мотоцикл. Наверное, так и должен выглядеть современный гуманист в чуждой ему среде.

Потом Гаррос и Евдокимов написали еще два романа — “Серую слизь” и “Фактор фуры”, — а также лучшее, как мне кажется, свое произведение: киноповесть “Чучхе”, в которой высказана очень важная правда о нашем времени, о деле Ходорковского и о новом поколении постсоветских интеллектуалов. Гаррос и Евдокимов точно предсказали появление новых людей, а заодно рассказали о рисках, которым эти новые “гадки лебеди” будут подвержены. Думаю, что из учеников и продолжателей Стругацких никто не зашел так далеко и не научился у них столь многому: вообще трудно подражать Стругацким в одиночку, они писали в диалоге, и в этом непрерывном разговоре их мысль разгонялась до сверхчеловеческих скоростей. Мне представлялось, что вакантное до сих пор место Стругацких как раз и будет занято этим рижским тандемом, потому что они владели главным секретом Больших Братьев: умели писать так, что не оторвешься. То есть и злишься, и ругаешься, и споришь, но — не оторвешься. И это штука целительная — и для читателя, и для литераторы в целом.

Но потом Гаррос женился на Анне Старобинец, что делает честь его литературному и художественному вкусу, переехал в Москву, и стал работать в соавторстве уже с женой: писать сериалы с элементами фантастики и мистики. Я всегда понимал, что у Гарроса исключительное чутье и занимается он

только теми жанрами, у которых есть богатые перспективы. И тут, видимо, он в какой-то момент понял, что проблематика и методы большой литературы переместились в телесериал — теперь это главный жанр искусства, синкретический, по-умному говоря. А еще он понял, что большая литература “ушла” в глянец — и стал публиковаться в “Снобе”, “GQ” и других интеллектуально-глянцевых журналах. Там печатались его очерки, интервью и, не побоюсь этого слова, статьи по теории литературы — потому что он очень хорошо разбирается в этой теории и задолго до большинства современников чувствует, к чему идет дело.

Его заметки представляют собой не стилистические экзерсисы (в наше время, чтобы слыть стилистом, достаточно научиться кидать понты на ровном месте), а точные, скупые зарисовки исторических эпизодов и литературных нравов, или увлекательные разговоры с неоднозначными людьми, или репортажи из Европы, про которую он, со своим рижским опытом, знает много плохого и хорошего. Гаррос точно соответствует формуле Анатолия Аграновского: “Хорошо пишет тот, кто хорошо думает, а «хорошо пишет» — это само собой разумеется”. Его эссе — это не записки у изголовья от нечего делать, а приключения мысли. Я думаю, он это писал не только и не столько ради заработка, хотя журналистика для писателя как раз и есть единственно возможное подспорье, когда не пишется или мало платят за написанное. Просто однажды эссеистика и журналистика показали ему

интересней прозы, — и это важный тренд момента. Был период резкого изменения, перестановки акцентов: стало понятно про народ и про всех нас что-то, чего мы до сих пор не знали. И Гаррос выступил точным хроникером этой эпохи, — а художественное мы про нее напишем, когда она закончится.

...Я очень люблю Сашу Гарроса. Это один из самых дорогих для меня людей. Он умный, честный, добрый и при этом хорошо пишет, что практически несочетаемо. Я даже не знаю, в чем Гаррос ущербен: хороший, плюс хорошо пишет, плюс боевые искусства... обязательно должен быть какой-нибудь скелет в шкафу. Один человек, который вообще никого не любит и даже, более того, всех ненавидит, хотя при этом далеко не дурак, — проскрипел ему вслед: “К-какой м-милый малый”. Это он не заикался (он не заикается), а чисто от злобы.

Вот! Гаррос вызывает ужасную злобу у плохих людей. И эта его книга, к которой я пишу предисловие, тоже многих взбесит. Утешить всех этих людей я могу только тем, что таких, как Гаррос, очень мало.

ДМИТРИЙ БЫКОВ

ТАКАЯ, КАКАЯ

От автора

Сборник журналистских текстов всегда есть фрукт чуточку противоестественный. С поля экспериментов доброго доктора Франкенштейна.

Штука журналистики — как бы хрестоматийная рок-звезда, но как бы до изобретения звукозаписи: живет быстро, умирает молодой, забывается на счет “раз” и более не звучит. Срок полноценной, достойной жизни газетной статьи и в прошлую-то, великую бумажную эпоху исчислялся максимум днями; журнальной — в лучшем случае неделями. Интернет разгоняет медийный метаболизм до нечеловеческих скоростей и вносит мизантропические правки: рыдай, газетчик, — теперь твоя *заметка* (так говорят москвичи) или *байка* (так говорили у нас в Риге) сплошь и рядом мертва еще до того, как ее вообще хоть кто-то прочтет. Иногда — прежде, чем ее хоть кто-то напишет.

Тем экзотичней — и, см. выше, противоестественней, — кажется компендиум текстов, опубли-

кованных не часы или дни, но годы назад. Собрание беспокойных покойников, временно оживленных издательской магией. Причем едва ли эти небоевые зомби внушают кому-то страх — скорее жалость, а то и стыд: слишком уж много прошедшие годы не-жизни оставили на них неоспоримых и неприятных отметин, свидетельств авторской наивности, ограниченности, близорукости, дурновкусия (некогда оно казалось праведным пафосом) и глупоговорения (в прошлой жизни оно было блестящей аналитикой).

И тем не менее: любая возможность дать дорогим покойникам (которых пускай ты один, но всё же — помнишь, иногда — любишь; в которых, если ты не холодный халтурщик, вложено было не так уж мало и времени, и физических сил, и даже, не бейте меня, умственных усилий!) второй шанс, — это подарок. Цену жизни спроси у мертвого.

Да и уже само то, что беспощадное время прodelывает даже с тщательными (хотелось же так думать) попытками медийного трезвомыслия, — хороший урок. Урок смирения — автору. Но, быть может, не только ему. И еще, разумеется, слепок реальности — той, своей. Слепок, ценный именно честным несовершенством, принципиальной незавершенностью: жизнь, как всегда, пошла дальше — а он, сделанный с живой, пластичной натуры и застывший, остался. Бери, сравнивай, колупай ногтем, шарай об пол; делай выводы.

Поэтому, когда эта книга готовилась к изданию, я подавил в себе позывы что-то подправить и поме-

нять, на худой конец — снабдить часть текстов развернутым комментарием, потешить свой крепкий задний ум, явить искрометное остроумие на лестнице. Что было — то было. Хотя я отлично понимаю, что какие-то тексты я написал бы теперь совершенно иначе, какие-то — не стал бы писать вовсе.

Ну да, мне, например, хотелось думать лет пять назад, что мой добрый приятель Захар Прилепин — это человек-мост, один из тех, кто соединяет собою такие взаимно непримиримые, но такие зеркально схожие, такие живущие на разрыв, но такие нерасчленимые, сиамские берега — берега русских “либералов” и “патриотов”; а Прилепин с тех пор не только выбрал свой берег из двух, но и многое сделал для того, чтобы берега эти отодвинулись друг от друга на максимальное расстояние.

Ну да, я всерьез задавался, скажем, вопросом, почему русские писатели — вроде бы часть глобального мира со своим уникальным опытом? — не пишут больше мировых бестселлеров и что с этим делать; а теперь понятно, что делать с этим ничего не надо — теперь русские писатели, как и вообще русские, уже не вполне часть глобального мира, и именно поэтому они напишут мировые бестселлеры, — скоро, скоро, вот только сначала придется до конца пройти по той тропке через трясины, на которую мы свернули. Получить еще немного уникального опыта.

И так далее.

Но все-таки — пусть уж тут просто будет, что было. Как было. Как есть.